

Отзыв
официального оппонента
на диссертацию Павленко О.В.
«Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. – 1914 г.)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук
Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

Диссертационное исследование О.В. Павленко посвящено анализу моделей государственного развития России и Австро-Венгрии через призму роли славянского фактора и включает в себя сравнительный анализ коллективной идентичности и внешней политики двух империй как на национальном, так на региональном и общегосударственном уровне. Такое сопоставление вполне уместно и позволяет глубже оценить двусторонние отношения двух материковых империй в самых разных аспектах – от политики и дипломатии, до экономики, культуры и общественных отношений, тем более что каждая из сторон, втягиваясь в ключевой для мировой политики XIX-XX вв. «восточный вопрос», использовала славянский фактор для достижения в нем собственных геополитических выгод. При этом под славянским фактором автор подразумевает «совокупность многообразных, межславянских коммуникаций, взаимоотношений между людьми, разделявшими идеи славянской взаимности, социальными группами, корпорациями, общественными объединениями на основе интеграционных программ и проектов, включая различные формы славянской благотворительности; интересы и стратегии двух империй в двусторонних контактах и европейской политике, равно как их геополитическая конкуренция на Балканах и отношение имперских элит к славянскому вопросу; трансформация славянских кодов в национальных и имперских дискурсах» (с.8.)

Отметим, что понимание и научные оценки сложных многомерных процессов отношений современной России и европейского мира, невозможны без изучения моделей взаимодействия власти и общества в имперском пространстве. Сегодня этот уникальный исторический опыт, диалектика взаимодействия двух империй в пространстве славянского мира, так или иначе воспроизводится в самых разных сферах исторической памяти независимо от существующих в России и Европе политической культуры и социально-экономических моделей. Все это свидетельствует о необходимости разработки комплексного подхода к изучению роли «славянства» и «славизмов» в истории Российской империи и монархии Габсбургов – двух континентальных империй, состоящих из мозаики народов, в пространстве которых сосуществовали различные языки и формы религий.

Представленное диссертационное исследование, обладая безусловной научной новизной, вносит в изучение этой проблемы весомый вклад. Автор

при этом задается важными для науки исследовательскими вопросами – какую роль играл славянский фактор в процессах формирования имперской идентичности и внешней политики, как трансформировалась славянская тематика в общественном и политическом дискурсе российской и австрийской империй.

В этом смысле дальнейшее изучение этой проблематики представляется нам весьма перспективным, а материалы данной работы могут быть рекомендованы как специалистам, читающим общие курсы по истории и теории международных отношений в учреждениях высшей школы Российской Федерации по программам «бакалавр» и «магистр», так и для разработки новых специальных образовательных стандартов по специальностям «регионоведение» и «международные отношения», поскольку круг задач представленного исследования, как указывает сама автор «включает в себя изучение внутреннего и внешнего контуров имперской политики, соотношения идеологических процессов с международными, сопоставление моделей коллективной идентичности на национальном, региональном и общегосударственном уровнях» (с.8).

Следует подчеркнуть, что сам автор диссертационного исследования является признанным в российской историографии специалистом по изучению проблем нового и новейшего времени – автор многочисленных научных работ, изданных не только в России, но и в США, Австрии, Германии. Сфера научных интересов О.В. Павленко глубока и многогранна и включает в себя не только изучение панславизма и его моделей, но и широкий пласт международных отношений и внешней политики России во второй половине XIX-начале XX вв., политические, социокультурные и экономические аспекты современных международных процессов на трансатлантическом пространстве, историю Австрии XIX—XXI вв., различные аспекты внешней политики СССР и современной России.

Диссертационная работа обладает внутренним единством, структура логична и строга, включает введение, шесть глав, заключение, список источников и литературы. Задачи исследования широки и включают в себя изучение динамики русско-австрийских отношений 1830-1914 гг., анализ, ориентированных на всех австрийских славян интеграционных программ Габсбургской монархии и выявление в них общеславянских и национальных интересов, изучение природы панславизма, в контексте особенностей формирования имперской нации в политической культуре России и Австро-Венгрии. При этом диссертант делает интересное заключение: «Россия после эпохи Великих реформ пошла по пути усиления «политической религии» в сфере государственной идеологии. Эта тенденция изменила российский проект коллективной идентичности, дополнив его консервативным историзмом и образами «народной монархии». Австрийская государственность развивалась в другом направлении, уступая общественным инициативам, постоянно находясь в поиске компромисса и создавая иллюзии высоких ожиданий. По сути, перед нами – два проекта

формирования коллективной идентичности в многосоставных государствах, нацеленных на общегосударственную сплоченность». (с.45-46)

Автор при этом подчеркивает, что «коллективная идентичность реализуется на двух уровнях. Внутренняя – «государство в себе и «для себя», и внешняя – государственный имидж в мире». (с.14). Именно при контактах с другими акторами и структурами международной системы «рождается понимание собственной уникальности и значимости» (с.14). Таким образом, по справедливому замечанию О.В. Павленко, встающие в этой связи как теоретические, так и практические проблемы, невозможно разрешить в рамках одного теоретического подхода. Уловить тенденции восприятия «Я» и «Другие» позволяет междисциплинарность, а именно, отличающее диссертационную работу сочетание конструктивистского и цивилизационного подходов.

Хронологические рамки работы научно обоснованы и охватывают довольно значительный временной период: с 1830-х годов, когда с публикации сочинения Яна Колара славянский вопрос был поставлен на повестку дня европейской политики и 1914 г. – начало Первой мировой войны. При работе над диссертационным исследованием автором, помимо опубликованных источников, были проанализированы фонды из 6 российских и 4 зарубежных архивов - Австрии, Чехии, Венгрии и Германии. Такой широкий охват архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, позволил автору в полной мере реализовать обозначенные в диссертации цели и задачи.

В первой главе – «Славянский фактор в отечественных и зарубежных исследованиях» проведен глубокий анализ эволюции российской и зарубежной историографий, ее понятийного аппарата и методологии в контексте изучения Австро-Венгерской и Российской империи как моделей многосоставного государства. В данной главе, на основе проблемно-хронологического принципа представлен глубокий разбор историографических концепций различных сообществ историков на протяжении более чем ста лет – от межвоенного периода до современности. Автору удалось показать основные вехи развития европейской и российской историографии, выделив ключевые блоки научных проблем, уделив особое внимание становлению «мифа о панславизме», созданному еще в межвоенный период и упроченный в годы «холодной войны».

О.В. Павленко на основании критического анализа презентует дискуссии, посвященные причинам распада Австро-Венгрии, славянским темам в чешской и словацкой историографии, внесшей огромный вклад в систематизацию различных проектов славянской интеграции, мифам о панславизме в западноевропейских и американских исследованиях, дает обзор новых направлений российской историографии изучения славянского фактора в истории Российской империи и монархии Габсбургов.

Наиболее интересен раздел данной главы, посвященный анализу новых направлений современной историографии в 1990-2000-е гг. (с.116) Высокая степень динамики, охватившего европейские страны «мемориального бума»,

разнонаправленность векторов исторической политики, вызвали попытки систематизации этого эмпирического поля для решения исследовательских задач. Автор справедливо отмечает, что «интеллектуальные прорывы за последние четверть столетия изменили качество знания о прошлом», подчеркивая при этом, что «источниковедческий анализ зачастую просто не успевает за стремительной модернизацией понятий». (с. 116-117). В этом смысле О.В. Павленко особое внимание уделяет конструктивистскому подходу в изучении международных отношений как новому направлению развития отечественной и зарубежной историографии, позволяющему «вписать славянский фактор в историю империй не только в геополитических контекстах, но и на уровне моделей коллективной идентичности, ценностей различных социальных групп, экономических интересов и прагматических решений». (с.156) Данные выводы вполне коррелируются с постулатами американского исследователя Дж. Олика, который, рассматривая меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, предложил понятие «фигурация памяти», где сплетаются, пусть и не всегда органично, образы, контексты, традиции и интересы.

Отметим, что данная глава диссертации сама по себе является законченным научным исследованием и может быть после небольшой доработки, опубликована в качестве отдельного очерка или обширной статьи. О.В. Павленко при этом справедливо полагает, что «история изучения славянского движения – это история не столько реализованных интеграционных процессов, сколько создания линий противостояния и интеллектуального соперничества в исследовании «славянского мира» в целом и роли каждого народа». (с. 152)

Вторая глава диссертационного исследования – «Зарождение панславизма и славянского вопроса в Российской и Австрийской империях в 1830-1840 гг.» позволяет оценить зарождение славянского вопроса в контексте сформированной по итогам наполеоновских войн, венской системе. Автор дает краткую характеристику «Священного союза», как основы новой системы международных отношений, подчеркивая, что проект Священного союза, в основе которого лежала имперская солидарность, «изначально предполагал незыблемость границ и ограничивал территориальные амбиции, столь естественные для империй». (с.159) Диссертант подчеркивает, что возникший на фоне австро-русского соперничества панславизм, стал европейским феноменом, осмыслить который пытались как политики, так и дипломаты, журналисты и ученые. Автор, при этом выделяет наиболее типичные модели панславизма в европейских дискурсах первой половины XIX века – «истинный панславизм» Я. Колара, австрославизм, мнимый панславизм, российское славянофильство. При этом, события 1848-1849 гг. – «весна народов». дали уникальный опыт славянским интеллектуалам для осмысления миссии своих народов, а прошедший в 1848 году славянский съезд в Праге, объединил представителей славянских народов Австрийской монархии, его участники смогли выработать общие политические требования. В этой связи автор подобно

исследует взгляды Карела Гавличека-Боровского, сформулировавшего, в противовес панславизма Яна Колара, политическую теорию австрославизма, тесно увязанную с определением чешской идентичности - понятием «чехославянский народ». (С.201) Автор убедительно показывает, что для малых народов Центральной Европы «австрийский дом» представлялся наиболее стабильной формой существования, «но только при условии равных национальных прав и возможностей». (с.219)

В тоже время Российская империя показывала Австрии, что ставит имперскую солидарность выше иных интересов, а Николай I, в контексте реализации известной триединой формулы - православие самодержавие народность, ставя во главу угла идею «русского начала и русского духа», начал борьбу за искоренение «славянских мечтаний». Парадокс ситуации, как отмечает О.В. Павленко, заключался в том, что несмотря на борьбу российского императора за сохранение территориальной целостности Австрийской монархии, западную публицистику захлестнула волна антироссийской риторики, а сам Петербург обвинялся в захватнических планах «создания всеславянской империи в Европе». «Европейское общественное мнение, проникнутое русофобией, негодовало по поводу панславистской угрозы со стороны России», - отмечает О.В. Павленко.

В третьей главе «Славянский фактор в формировании коллективной идентичности и внешней политики Российской империи и монархии Габсбургов в 1850–1860-е гг.» автор останавливается на роли славянского вопроса в формировании официальных и общественных дискурсов в политике двух империй. После распада Священного союза славянский вопрос вышел за рамки его обсуждения кругами интеллектуальной элиты, став важной компонентой европейской политики. Автор справедливо отмечает, что со второй половины XIX века имперский универсализм перерастал в эпоху национализма, а молодые нации модерна, формулируя ирредентистские концепции, «пытались самоутвердиться не только на внутреннем уровне, но и в европейской дипломатии» (с. 235). Не случайно, именно в 50-70 гг. XIX века, в контексте формирования новых форм коллективной идентичности, в Российской и Австрийской империях произошла трансформация модели государства и его управленческой стратегии. «Россия и Австро-Венгрия в эти годы пытались освоить новый потенциал либерализма и национализма, «войти» в либеральные реформы, чтобы расширить возможности модернизации и либерализации общественной жизни. Одновременно в обоих государствах власть создавала проекты имперской жизни», - пишет О.В. Павленко. (с. 238).

Ключевым событием той эпохи стала Крымская война, событиям которой автор уделяет особое внимание. Анализу ее причин, хода и последствий посвящен весомый пласт научных исследований, вышедших из-под пера как российских, так и зарубежных исследователей. В этом смысле автор подчеркивает, что ее неблагоприятный для Российской империи итог, стал не только стимулом к Великим реформам второй половины XIX века, но и сформировал новое общественное сознание, «вызвав резкий поворот от

общеευропейского универсализма к осознанию собственных истоков и собственного пути исторического развития» (с. 257). Таким образом, Парижский мир 1856 года дал новый импульс развитию дихотомии «Россия-Европа», превратив это понятие в некий геополитический код, который не только так или иначе воспроизводился разными течениями российской общественно-политической мысли, но и отразился на новом внешнеполитическом курсе Российской империи, характеризуемым отходом от идей имперской солидарности в пользу национальных приоритетов. Таким образом, славянский фактор стал важной частью нового внешнеполитического курса Российской империи, неким ответом правящих кругов Петербурга на антироссийскую риторику европейских стран, и особенно Австро-Венгрии.

Действительно, как замечает автор, «новый проект коллективной идентичности был ориентирован на государственный патриотизм, Империю и Русскую идею». (с.280) В этом смысле, несмотря на поражение, Крымская война стала восприниматься как некий символ «победы русского духа», а власть пыталась придать событиям 1853-1856 гг. «героический дискурс непобежденной нации» (с. 281). Именно идея «имперского панславизма» - концепция доминирующего положения России в славянском мире, стала неотъемлемой частью как российского культурного кода второй половины XIX века, так и государственной политики страны, поскольку создавала новый образ самодержавной власти – покровительницы славянского мира и его спасительницы от влияния латинского Запада. В этой связи, уделяя особое внимание созданию и деятельности Славянского благотворительного комитета, О.В. Павленко делает вывод о том, что концепция «имперского панславизма», «реконструировала идею новой Византии – великой империи. В русское политическое сознание вносилась особая историческая перспектива: Россия имеет за своими пределами верных сторонников славянские народы на Балканах и в Центральной Европе». (с.307) Не случайно существенное внимание автор уделяет анализу, прошедшего в 1867 году в России Славянскому съезду, как новому явлению славянского направления государственного курса Российской империи.

Несомненный интерес представляет раздел главы, посвященный анализу радикальных версий панславизма российской политической мысли второй половины XIX века. Несмотря на то, что радикальное, в том числе и народническое движение получило довольно глубокое изучение в отечественной историографии, трактовка представителями русского радикализма славянского вопроса требует дополнительного анализа. Данный раздел диссертации позволяет восполнить существующий пробел в изучении российской революционно-демократической мысли.

О.В. Павленко, отмечая, что развитие индустриального общества не только обострило конкуренцию между великими державами, но и породило столкновение двух процессов – кристаллизации наций модерна и проектов создания общегосударственных, имперских наций, большое внимание уделяет программе австрофедерализма. Сохранение монархии Габсбургов

виделось представителями чешской и словацкой элиты как единственная возможность защиты их конституционных прав и парламентского представительства от возможной экспансии со стороны Пруссии и России. В этом смысле О.В. Павленко в своей диссертационной работе уделяет особое внимание германскому фактору в политике Вены и Петербурга. «Если раньше Россия сдерживала Пруссию в интересах Австрии, то после Крымской войны для Берлина открылись большие перспективы. За десять лет Германия смогла осуществить гигантский прорыв, как в экономической, так и международной политике. Многим европейским кабинетам становилось все очевиднее – время работает на Берлин», - отмечает автор. (с. 379)

В четвертой главе диссертационного исследования «Геополитическая конкуренция России и Австро-Венгрии в Восточном вопросе во второй половине XIX века» рассматривается славянский фактор в динамике русско-австрийских отношений в контексте формирования в Европе нового миропорядка, ключевой проблемой которого стал Восточный вопрос. Ослабление Османской империи создавало новые вызовы европейскому миропорядку, в котором каждая из Великих держав рассматривала Балканский полуостров как сферу своих жизненных интересов. Для России выход к черноморским проливам Босфору и Дарданеллам, создание лояльных государств-союзников на Балканах стали важной частью ее геополитического проекта.

О.В. Павленко справедливо замечает, что, хотя российско-австрийские отношения получили достаточное освещение в российской историографии, существует необходимость системного анализа циклов сближения и противостояния двух держав. В этой связи она ставит важные научные вопросы: что представлял собой Восточный вопрос для каждой из монархий, как он соотносился со славянскими стратегиями во внешней политике Вены и Петербурга, насколько сильным было панславистское влияние на принятие внешнеполитических решений двух монархий. (с. 382) Набиравший силу национализм, созревший в лоне империи молодых сообществ вызвал колебания и противоречивость австрийской политики. К тому же Венский кабинет был озабочен созданием у своих границ нового сербского государства, имевшего свои внешнеполитические амбиции. Не случайно автор замечает, что при венском дворе под влиянием австрославизма «распространялось новое восприятие славянского вопроса. Не отторжение и дискредитация всего славянского, но напротив, попытки присвоить славянские стратегии, которые традиционно находились в арсенале российской внешней политики». (с.393).

В тоже время, под влиянием Восточного кризиса 1875-1878 гг., а особенно после начала сербо-турецкой войны 1876 г., усилилась поддержка славян со стороны русского общества, увлеченность идеей освобождения Балкан от турецкой зависимости вызвала не только широкий общественный резонанс, но и привела к совершенно новому явлению в самодержавной России – добровольческому движению в защиту «православных братьев». В

этом смысле активизировалась деятельность славянского благотворительного комитета, а сам славянский вопрос с того времени стал не только определяющим вектором российского внешнеполитического курса, но и важной частью коллективной идентичности российского общества. Отметим, что автору довольно успешно удалось «вписать» обострившийся во второй половине XIX века Восточный вопрос в общую внешнеполитическую стратегию двух империй, показав, что конкуренция России и Австро-Венгрии за Балканы привела к системному кризису между некогда союзными империями, что привело к фактическому распаду «Союза трех императоров». «Дипломатическая конструкция, созданная Бисмарком, для стабилизации отношений на европейском континенте, выполняла свою основную задачу, хоть и с большими осложнениями. Ее распад давал России и Австро-Венгрии большую свободу рук на Балканах, но их геополитическая игра становилась более опасной и жесткой», - пишет автор. (с.432)

Рубеж XIX-XX вв. принес новые стратегии великих держав по продвижению в мире своих приоритетов, беспрецедентные масштабы приобрела гонка вооружений. В этом контексте О.В. Павленко убедительно доказывает, уделяя большое внимание в том числе и деятельности российских благотворительных организаций, что во второй половине XIX в. Россия развернула системную славянскую политику, направленную на продвижение своих национальных интересов как на Балканах, так и на землях австрийских славян. Тем не менее, как замечает автор «панславизм не стал в XIX в. масштабным геополитическим проектом Российской империи, поскольку российские элиты отдавали себе отчет в том, что славянские политики в Австро-Венгрии ориентированы на поиск компромисса с Веней, а балканские славяне склонны лавировать между европейскими столицами в надежде найти поддержку в бесконечных территориальных спорах и инвестициях». (с.465)

Пятая глава диссертации «Славянский вопрос в политической культуре России и Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX вв.» посвящена не просто анализу динамики развития славянского вопроса в России и Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX вв. Данную проблему автор исследует в контексте существенно изменившейся формулы коллективной идентичности имперского государства, политической культуры модерна. В этой связи, как Россия, так и Австро-Венгрия, пытались обновить модели государственной системы, придать новую окраску ее политическим институтам. При этом автор, отмечая, что тема «империи модерна и национализма» неисчерпаема и говоря об особенностях российского и австрийского модерна, делает интересное замечание о том, что «в отличие от берлинского и парижского модернов, он был направлен против натурализма, но не имел революционный смысл (разрушающий прошлое), в нем явственно чувствовалась связь с прошлым и особое австрийское пристрастие к традиции, диахронное вовлечение метафор историзма в современное время. Эта же тенденция была характерна и для российского модерна, в котором тоже доминировала историческая традиция». (с. 468-469)

Иными словами, в австрийской политической культуре эпохи модерна было создано довольно комфортное общее пространство, которое позволяло различным политическим, а особенно национальным силам использовать общегосударственные символы в своих интересах, при этом искренняя убежденность в том, что Австро-Венгрия является единственно возможной формой сохранения самобытности для всех ее малых народов стало непреложным условием для развития национальных идеологий.

В качестве примера, применяя имагологический подход, автор в самых разных аспектах сравнивает два образа династического мифа, находящихся на троне российского и австрийского монархов – «отца народов» и «хозяина Земли Русской». При этом О.В. Павленко на конкретных исторических примерах показывает, как в России стала активно формироваться новая система общегосударственных ценностей, в которой особо внимание уделялось историческим истокам Российского государства и поиску общей формулы гражданской лояльности династии Романовых. Именно поэтому в российский общественный дискурс активно внедрялись, одинаково близкие людям с разными взглядами, символические и героические образы прошлого, прежде всего по защите государственного суверенитета и целостности страны. «В имперской пропаганде на рубеже XIX–XX вв. так и не сформировался столь желаемый общественностью образ монарха – прогрессиста и реформатора, но упорно воспроизводился прямо противоположный образ самодержца, осененного столетними традициями», – справедливо замечает диссертант. (с.535)

Не случайно в первое десятилетие XX в. усилилась волна публицистических и историософских сочинений, в которых развивались идеи имперского панславизма. Автор при этом, опираясь на исследования Е.Г. Костриковой, совершенно справедливо указывает, что «русско-турецкие войны, балканская политика России, добровольческое и благотворительное движение в пользу «угнетаемых единоверных славянских братьев» только усиливали представление о зарубежных славянах (особенно балканских) как о составной части «государственного народа» Российской империи. Примечательно, что из понятия «славянства» исключались поляки, как «неправильные славяне», испорченные католицизмом и западной цивилизацией». (с.502)

Однако О.В. Павленко не только останавливается на рассмотрении имперского панславизма начала XX века и его представителей – особенно Н.Я. Данилевского и анализе его работы «Россия и Европа». В сферу ее внимания попала фигура А.Н. Пыпина, который, в противовес идее имперского панславизма выдвигал концепцию «демократического панславизма», выросшего из «национально-образовательной солидарности» славянских народов при соблюдении политического и культурного суверенитета каждого из них. Ученый был убежден, что Россия не готова к осуществлению равноправных межславянских взаимоотношений – «нельзя быть другом славянства и ретроградом у себя дома». (с. 507) Кроме того, как

отмечает автор, последовательными критиками этой концепции были либералы и их лидер П.Н. Милюков, а также многие другие известные общественные деятели того времени, в том числе В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.И. Кареев. При этом она делает важный вывод о том, что «анализ этих дискуссий показывает, что в центре внимания их участников была не славянская тема как таковая, а пути развития России. Либеральные и консервативные подходы сталкивались вокруг понимания власти и общества, патриотизма и миссии России в мире. По сути, панславизм не имел определяющего значения в бурных спорах о российских ценностях. Скорее, он служил идеологическим стимулом, необходимым для того, чтобы вывести интеллектуальную борьбу на уровень вопросов политической морали». (с.509)

В этом же контексте О.В. Павленко исследует истоки зарождения и развития отечественного славяноведения, которое, по ее замечанию, на междисциплинарной основе объединяло «исторические, лингвистические, этнографические и культурологические исследования славянских народов», представляя собой «уникальное явление в гуманитарных науках». (с. 510) При этом национальные движения славян, в том числе и в пределах двуединой монархии, вызывали среди российских интеллектуалов острые дискуссии о смыслах их идентичности, а объектами изучения становились практически все славянские общности. Естественно, что это изучение славянства было напрямую увязано с развитием интереса к истории и современному положению Австро-Венгерской монархии. Историю двуединой монархии и ее славянское население не могли обойти своим вниманием и В.И. Ламанский, и А.Ф. Гильфердинг, и Н.А. Попов, и А.С. Будилович. «Несмотря на критический подход к австрийской политике, в России с пристальным вниманием следили за опытом парламентаризма в условиях многосоставного государства. В исторических исследованиях рубежа XIX–XX вв. чувствовалась ностальгия по когда-то близкому, но потерянному союзнику, который, при всех дипломатических разногласиях сохранял свою особую привлекательность и интерес для российского общества», - замечает автор. (с. 514) Особое внимание О.В. Павленко уделяет использованию «славянства» в национальных проектах австрийских славян, которые вплоть до Первой мировой войны, за редким исключением, упорно добивались федерализации Австро-Венгрии и своего полноправного статуса. Таким образом, австрийская государственность уступала общественным инициативам, постоянно находясь в поиске компромисса и создавая иллюзии высоких ожиданий. Автор при этом делает вывод о том, что «перед нами – два проекта формирования коллективной идентичности в многосоставных государствах, две линии процесса сакрализации политики, нацеленной на общегосударственную сплоченность». (с.535)

Шестая глава диссертации «Славянский вопрос и кризис российско-австрийских отношений: от сближения к противостоянию и распаду монархий (1897-1917 гг.)» анализирует динамику русско-австрийских отношений в начале XX века. При этом в их развитии автор выделяет 4

глобальных этапа: 1897-1908 гг., характеризующийся, с связи с обострением ситуации на Балканах, поиском компромисса в отношениях двух держав; 1908-1910 гг., - период нового обострения отношений, связанный с боснийским кризисом 1908-1909 гг. и нарастанием угрозы Первой мировой войны; 1910-1914 гг. – время нового обострения соперничества двух держав из-за событий на Балканах, связанных с двумя балканскими войнами. Причем, как замечает автор, впервые за всю историю европейско-османского противостояния балканские проблемы решались без непосредственного участия монархии Габсбургов. Знаменитый выстрел в Сараево 28 июня 1914 года не только подвел итог периоду многовекового взаимодействия двух династий, но и стал предвестником краха этих двух континентальных империй; 1914-1917 гг. – период Первой мировой войны.

В контекст анализа динамики развития двусторонних российско-австрийских отношений, О.В. Павленко вписывает, возникшее в начале XX века понятие «неославизм», центром которого стала Прага. Таким образом, первые годы XX столетия характеризовались кульминацией во взаимоотношениях австрийских славян с Россией. Автор подчеркивает, что это был один самых амбициозных проектов межславянского партнерства, который когда-либо выдвигался австрийскими славянами в стремлении повлиять на внешнюю политику и общественное мнение России, чтобы возобновить исторический союз с Австро-Венгрией. Причем этот общеславянский интеграционный проект впервые стал обсуждаться не как абстрактный образ будущего, а в формате принятия конкретных решений и действий на уровне общественных инициатив. Однако ключевым фактором провала неославизма стало ухудшение российско-австрийских отношений.

Таким образом, автор делает справедливый и научно обоснованный вывод о том, что «соперничество между Россией и монархией Габсбургов проявлялось как столкновение двух парадигм славянского вопроса при кардинальном различии целей и задач. Обе державы все глубже вовлекались в балканский водоворот - перекройку границ и сфер влияния, финансовых инвестиций и железнодорожных концессий, открытую или скрытую поддержку восставших народов, дипломатические переговоры и интриги, которые вспыхивали каждый раз, когда возникал очередной конфликт на Балканах. Обе воспринимали друг друга как препятствие на пути к достижению «великих национальных интересов». (с. 647-648).

В Заключении содержатся концептуальные итоги проведенного исследования. Выводы, содержащиеся в исследовании О.В. Павленко, имеют достаточно высокую степень доказательности и научной обоснованности, хорошо продуманы и убедительны.

Вместе с тем нам хотелось бы высказать некоторые пожелания, возникшие при чтении этого, безусловно новаторского диссертационного исследования, многие положения которого побуждают к плодотворной научной дискуссии.

При исследовании панславистских концепций двуединой монархии автор, по вполне объяснимым и понятным причинам, опирается на чешско-

словацкий материал. Однако в состав империи Габсбургов входили и южнославянские народы – прежде всего хорваты и словенцы. В этой связи хотелось бы более рельефно раскрыть, возникшее в 40-е годы XIX в. в хорватской среде, понятие иллиризм, имеющее яркую панславистскую окраску. Именно на основе иллиризма к началу XX в. оформилась доктрина югославизма — движения, в основе которого лежало создание единого югославянского народа с особым местом Хорватии. Не случайно в начале XX в. на фоне развития боснийского кризиса 1908–1909 гг. и в канун Первой мировой войны в центре внимания политических и общественных деятелей Загреба стояла вынашиваемая правящими кругами дуалистической монархии идея «централизованного федерализма» или «триализма», в том числе как один из главных способов решения хорватского вопроса, как путь, представляющий золотую середину между централизмом и федерализмом. Не случайно один из соратников австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда князь К. фон Шварценбер выступал за создание югославянской государственной единицы – “Королевства Иллирии”, включающей Хорватию, Боснию, Герцеговину, Далмацию и Приморье с Триестом. В этом же контексте иллиризм рассматривался и словенской элитой, а лидеры словенских католиков в течение десятилетия перед Первой мировой войной сформулировали свою концепцию преобразования Австро-Венгерской монархии на основе триализма, предусматривавшую включение в эту программу всех объединенных словенских земель. При реформе монархии словенцы, по их мнению, должны были войти вместе с хорватами в состав югославянской федеративной единицы. Главными идеологами словенской разновидности триализма были И. Шуштершич и Я.Е. Крек.

В этой же связи хотелось бы порекомендовать автору обратить внимание на фигуру представителя Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене В.П. Сватковского, имевшего не только обширные связи среди славянских деятелей австрийской монархии, но формулировавшего собственные концепции будущей интеграции славянских народов.

Автор справедливо замечает, что «национализм становился, по сути, новой секулярной религией в обществах, где развивались процессы модернизации». (с. 236). С середины 40-х годов XIX века начинают формироваться «мегали идеи» – ирредентистские концепции, легшие в основу национально-освободительных движений славянских народов. Идеи создания «Великой Сербии» или «Великой Болгарии» стали важной составной частью как внутренней, так и внешней политики молодых балканских государств, а в Сербии еще в 1844 году при помощи чеха Ф. Заха была составлена первая внешнеполитическая программа, получившая наименование «Начертание». В этом смысле, хотелось бы обратить внимание автора, что рассмотрение этих концепций дало бы более рельефную оценку приведенного в диссертационном исследовании анализа ситуации на Балканском полуострове во второй половине XIX – начале XX вв. Заметим, что созданная в 1911 году в Белграде офицерская организация «Объединение или смерть» («Черная рука») напрямую несет ответственность за

организацию знаменитого сараевского убийства, что вызвало, охарактеризованный в тексте диссертационной работы июльский кризис 1914 г. Заметим также, что курс династии Обреновичей нельзя назвать абсолютно проавстрийским, что показано в специальных исследованиях российских и сербских историков.

Однако высказанные пожелания не умаляют отмеченных в отзыве главных достоинств работы, которая является оригинальным, завершенным исследованием актуальной и дискуссионной проблемы,

Диссертационное исследование Ольги Вячеславовны Павленко «Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. – 1914 г.)» соответствует требованиям П.11-12, 13-14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры всемирной и отечественной истории
ФГАОУ ВО «Московский государственный
(университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации»

Я. В. Вишняков

20 января 2023 г.

119454, Москва, проспект Вернадского, 76
МГИМО Университет МИД России
Тел. +7 495 229-38-49
y.vishnyakov@inno.mgimo.ru

Подпись гр. Я. В. Вишняков заверяю
ный Секретарь

О. В. Шишкина